

дарственное. Это какія-то напередъ данныя кнѣ-
точки, напоминающія матеріаломъ; читаешь при
чтении какъ бы прерывается нить разсказа; это
что-то случайное, чрезвычайно раздробленное. Не
соблюдена историческая перспектива, т. е. на
ряду съ ничтожными вопросами стоятъ вопро-
сы первостепенной важности. У Соловьева не-
редко матеріалъ господствуетъ надъ авторомъ;
мы встрѣчаемъ у него массу матеріала необра-
ботаннаго, неперевавленнаго. Соловьевъ создаетъ
цѣлую цѣлую исторію и юристовъ. Его по-
сидователи: Кавелинъ, Чириковъ, Леонтовичъ,
Самаринъ, Никитинъ, Ключевскій, отчасти
Забѣлинъ, Владиміръ Бугановъ и др. Эту цѣлую
можно назвать историко-юридической. Наибо-
лѣ замѣчательными почитателями Соловьева
являются -

§17. Константинъ Дмиріевичъ Кавелинъ.

Библиографія:

Бестужевъ-Рюминъ. О сочиненіяхъ Ка-
велина. (Отг. зап. 1860г.).

Спасовичъ. Памяти Кавелина (Вѣстникъ
Европы 1885).

В. К. Поддубицкій въ русской лите-
ратурѣ (Рус. Бог. 1889).

Кавелинъ собственноразвиваетъ и дополняетъ
взгляды Соловьева и въѣхъ въѣхъ съ тѣмъ его
критикомъ. Это - личность очень выдающаяся и по
своимъ умственнымъ дарованіямъ, и по нрав-
ственнымъ качествамъ, хотя онъ не создаетъ
ничего, свѣтлѣющаго своимъ громаднымъ

творческимъ талантамъ. Его сочиненія не проникнуты сухимъ характеромъ; они имѣютъ большое воспитательное, нравственное значеніе.

П. Д. Кавешинъ родился въ 1818 году въ С.-Петербургѣ, происшедшій изъ стариннаго дворянскаго рода, замѣннаго сначала по Воронежской, а впоследствии по Владимирской губерніи. Мать его англичанка въ дѣтствѣ осталась круглой сиротой и была принята на воспитаніе у Левашевыхъ. Кавешинъ провелъ дѣтство и юность свою въ Петербургѣ (до 5 л.), въ Рязани (до 11 л.) и въ Москвѣ. Мѣсто онъ проживалъ въ деревнѣ, Мучковской губерніи въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. До самаго вступленія своего въ Московскій университетъ онъ постоянно воспитывался дома и не наведился ни въ частномъ, ни въ казенномъ учебномъ заведеніи. Въ 1835 году Кавешинъ вступилъ по экзамену въ Московскій университетъ на архимологическій факультетъ, но вскоре перешелъ на юридическій, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 году. Черезъ годъ по выходѣ изъ университета въ 1840 году Кавешинъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра гражданскаго законодательства, но защитилъ диссертацию только въ 1843 году на тему: „Основныя начала русскаго судопроизводства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложения до учрежденія о губерніяхъ.“ Въ промежутокъ времени отъ магистерскаго экзамена до защиты диссертации онъ состоялъ на службѣ въ Департаментѣ Министерства Юстиціи. Въ 1844 году

Рус. Географія 2 ч. лек. проф. Баганъ. Листъ 26.

Кавелинъ назначенъ въ званіи адъюнкта по юридическому факультету въ Московскомъ университетѣ. При самомъ вступленіи на кафедру ему поручено было чтеніе по исторіи Русскаго законодательства, а чрезъ годъ и преподаваніе русскіхъ государственныхъ и губернскихъ учреждений и законовъ о состояніяхъ студентамъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ юридическаго. Въ изложеніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ Кавелинъ слѣдовалъ своду законовъ, только сокращая его и дѣлая, гдѣ было нужно, краткіе историческіе обзорныя. Въ исторіи же Русскаго законодательства, главнымъ предметъ его занятій, онъ раскрывалъ студентамъ юридическаго факультета 1го курса преимущественно родовыя начала Русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи. Первый курсъ (1844-45) былъ имъ доведенъ до царствованія Петра Великаго, во второй (1845-46) онъ успѣлъ представить и краткій очеркъ законодательства Петра Великаго въ области государственнаго права. Последний учебный его курсъ (1847-48) былъ преимущественно монографическій. Кавелинъ большую часть лекцій посвятивъ весьма подробному обзорному первоначальному быта Славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ Славянскихъ учреждений, причемъ пользовался данными изъ теперешняго быта Славянскихъ народовъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи. Въ то же время онъ отдѣлялъ одну лекцію въ недѣлю для чтенія и объясненія студентамъ древнихъ памятниковъ русскаго законода-

тинства, начиная съ Русской Правды. Кавелинъ предполагалъ такими образомъ пройти монографически всю историю русскаго законодательства и объяснить постепенно весь главный материалъ нашей юридической жизни. Планъ этотъ, разчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина въ 1848 году изъ Университета. Взглядъ, положенный имъ въ основаніе своего курса, представленъ въ скажому очеркѣ, въ статьѣ, напечатанной въ 1ой книжкѣ Современника за 1847 годъ подъ заглавіемъ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“. Въ даваемый трудъ Кавелина по частямъ Русской истории и истории русскаго законодательства состояли въ одноѣхъ критическихъ статьяхъ и рецензіяхъ на сочиненія и собранія историковъ по этому предмету. Между прочимъ ему принадлежатъ сочиненія: „Задачи этики“, „Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ насильствованія и угнетства“ и др. Въ своемъ трудѣ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“, напечатанномъ въ 1^{омъ} томѣ его сочиненій, Кавелинъ проводитъ ту же программу, какую положилъ Соловьевъ въ основаніе своего труда, но родовой бытъ у Кавелина изложенъ обстоятельнѣе, чѣмъ у Соловьева. Въ самомъ началѣ статьи Кавелинъ указываетъ на то, что въ Русской исторіи, въ сравненіи съ исторіей западныхъ народовъ, мы не встрѣчаемъ ни одной сходной черты, а много противоположныхъ. Затѣмъ онъ заявляетъ, что не смотря на множество

„Взглядовъ“ и „теорій русской исторіи“, написанныхъ въ разное время для объясненія общаго хода русской исторіи, ни на шагъ не продвинуто изученіе русской исторіи, такъ какъ не было изученія фактовъ. Благодаря неудачѣ теорій обратились къ изученію фактовъ, но вдалились въ другую крайность, — стали обращать большее вниманіе на меночные вопросы. Но „чтобы понять тайный смыслъ исторіи, говорить о ней, чтобы оживить нашу историческую литературу, необходимъ взглядъ, теорія. Они должны представить русскую исторію, какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, пронизанное однимъ духомъ, однимъ началомъ.“ Ключъ къ правильному пониманію русской исторіи находится въ родовомъ бытѣ. И теперь въ деревнѣ, говоритъ онъ, старшіе братья зовутъ младшихъ ребятами, молодками, младшіе старшихъ дядями, дядями, тетками, ровные — братьями, сестрами. Словомъ, все отношенія между неродственниками сознаются подъ формою родства. Вообще, у русскихъ славянъ былъ первоначально одинъ чисто семейственный, родственный бытъ, безъ всякой примеси; Русско-Славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ народоженія. „У другихъ славянъ этотъ бытъ прерванъ нашими сѣверными подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ условій. Завоеванія Аваръ, Хазаръ, Норманновъ и татаръ не оставили никакихъ послѣдствій въ нашей исторіи, такъ какъ завоеватели не селились среди туземцевъ.“ „Одни сѣверные вы-

хоруги Вараги составляют какъ будто исклю-
ченіе, говоритъ Навелинъ. Они изъ призванныхъ
властителей становятся завоевателями, но
тогда какъ въ другихъ странахъ Вараги на дол-
го придаютъ свой характеръ быту покоренной сѣра-
ны, у насъ они скоро подчиняются вліянію тузем-
наго населенія и, наконецъ, совершенно исче-
заютъ, заставлявъ нашу надомо мысль о государ-
ственномъ единствѣ всей русской земли, дру-
жеское начало и систему областного прав-
ленія”.

Первоначально каждое поселеніе нашихъ пред-
ковъ было нѣчто иное, какъ, разросшаяся, раз-
множившаяся семья, кѣткою чины и потомки
живутъ вѣсть, на единомъ корню. Такъ все
первобытное Славянское населеніе Россіи было
огромное дерево, споконно выросшее изъ одного
зерна; поселенія и племена — его въковыя вѣтви
и отпрыски”. „Внутри поселеній царствуютъ
чисто семейный бытъ подъ управленіемъ стар-
шаго рожденіемъ и мѣтами. Его властѣ была се-
мейная, родительская”. Этотъ бытъ „создала
природа, кровь; она его поддерживала и нѣмъ
управляла. Оттого — совершенная юридическая
неопредѣленность — его отличительная черта”.

„Въ чисто семейномъ быту нашихъ предковъ
лежали зачатки его будущаго разрушенія. Онъ
былъ созданъ природою, а не мыслью, не созна-
ніемъ, которая могли бы дать ему твердость,
постоянство, а вѣсть и опредѣленность,
ему совершенно неизвестную. Но кровная связь
сильно непрочны, чтобы поддержать обще-
ственный бытъ. Племена, заселявшія Россію,

болѣею частью разрозненныя, иногда вражде-
 бующія между собой, то все произошло изъ одной
 семьи, но почти совѣшь забыли свое единство;
 отъ него осталось одно смутное воспоминаніе.
 Когда народонаселеніе умножилось, семьи раз-
 множились — появилось много старшинъ родовъ,
 тогда невозможно стало опредѣлить, кто изъ
 нихъ старше, и стали избирать старей-
 шину. Его значеніе, благодаря посреднической ро-
 ли въ несогласіяхъ отдѣльныхъ семей, возраста-
 етъ, и это возрастаніе было признакомъ возра-
 стающей разрозненности семей. „Каждая болѣе
 и болѣе начинаетъ погружаться въ свои служеб-
 ные интересы, внутри себя жить своею особен-
 ной жизнью, точно такою же, какою было
 сначала цѣлое поселеніе“. „Въ болѣе или ослаб-
 леніи единства поселенія, котораго старей-
 шина былъ представителемъ, семьи мало по
 малу становятся главными дѣятелями, и
 власть ихъ общаго старейшины ослабѣваетъ.
 Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія
 — вѣща (отъ вѣщати), такія еще неопредѣлен-
 ныя, юридически неустановленные собранія,
 какъ и все тогдашній бытъ. Чтобымъ сход-
 биша семей для общаго совѣщанія, — праматери
 теperешнихъ крестьянскихъ сходовъ и стои-
 же неправильный“. „Мало по малу семьи при-
 вѣкаютъ, не смотря на внутреннюю разроз-
 ненность, все важныя и общія дѣла дѣлать
 вмѣстѣ, поговоря между собой. Поселенія
 становятся общинами.“ Одни общины имѣ-
 ли видъ городовъ, другія — видъ селеній, „Общи-
 ны, принадлежавшія къ одному племени, со-

брались на племенные воя. Были и племен-
 ные старейшины — князья; но, какъ въ общинахъ,
 они не вездѣ удержались. Варяги имѣли важе-
 нное значеніе въ Русской исторіи. „Они принесли
 съ собою первые зачатки гражданственности и по-
 литическаго государственнаго единства всей рус-
 ской земли... Они приносятъ съ собою дружину,
 упресненіе не русско-славянское, основанное на
 началѣ личности и до того чуждое нашимъ
 предкамъ, что въ нихъ языкъ и тотъ дикъ иго на-
 званій.“ Но Варяги скоро начали терять
 свою національность. Въ Святославъ подъ ва-
 рыжскими фориами уже видѣнъ Славянинъ,
 а въ княженіе Ярослава Варяги „совершенно
 подчиняются туземному русско-славянскому
 элементу.“ Въ муръ Владиміра и его дѣтей
 „выступаетъ на сцену историческаго дѣйство-
 ванія славя, разросшаяся потѣломъ въ цѣлый родъ.
 Конечно, она не была единственная въ тогдаш-
 ній Руси; были и другія; но ихъ судьбы теря-
 лись въ массу народа, и покрѣпы мраморъ.“
 Когда Ярославъ сталъ раздавать области
 своимъ сыновьямъ, причемъ Кіевъ отдалъ сѣв-
 ерному сыну, то и другіе города стали при-
 надлежать остальнымъ сыновьямъ по сѣв-
 ерности; іерархія кровнаго старшинства
 должна была сообщиться землѣ и породѣ
 іерархію территориальнаго или городского
 старшинства. Последняя, утвердившись,
 могла бы поддержать политическое един-
 ство Россіи, ибо сама по себѣ она, единажды
 установленная, была неподвижна и прочна.
 Но ее создала первая, которая, безпресѣнно

измѣняясь со смертью и рожденіемъ князей, влекла за собой и территориальное устройство. Сначала, когда великій или другой князь умираетъ, происходитъ перемѣщеніе вѣстѣ князей изъ уѣзда въ уѣздъ, для уравновѣщенія кровнаго, гередоваго распорядка. Но равновѣсіе не могло долго продолжаться. Увеличеніе и уменьшеніе числа князей его нарушало; это должно было дать перевѣсъ началу одному... А тогдашнее личное начало, въ противоположность территориальному не могло упрочить государственной цѣльности Россіи. Его представлялъ родъ. Но законы развитія рода — распаденіе, уничтоженіе единства." Но скоро старшіе внуки, получивъ права своихъ старшихъ дядей, стали проваивать себѣ права своихъ дѣдовъ. „Между собой эти взаимно исключавшіе враждебныя начала — родовыя и семейственныя, огибавшіе, рано произошли колебанія, которое по закону распаденія кровнаго вѣста, должно было окончиться побѣдою послѣдняго надъ первымъ, а влѣсть съ тѣмъ уничтожить политическое единство Россіи, основанное на единствѣ княжескаго рода и такъ неразрывно съ нимъ связанное." И дѣйствительно, семейственное начало рано стало высказываться въ княжеской средѣ. Эти княжескіе сѣзды, ни личныя усилія Мономаха и Мстислава Великаго не могли поддержать единства распадающагося рода. Частые переходы князей, отсутствованія областей побудили разныя общины собраться. „Неспособны жить безъ князя, они раздумывая уселись себѣ

князей, отпавшихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ наемия, могли въ случаѣ нужды защищать ихъ отъ безпрестанныхъ раззорительныхъ набѣговъ. Источеніе и ослабленіе князей даю общинамъ возможность осуществлять это желаніе. Они обладали средствами для войны, они были цѣлою вѣчной распрей между князьями. Оттого они мало по малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними рѣды или условія. Вотъ получили тогда болѣеую власть, и званіе вѣчевыхъ холодоловъ часто раздаваясь въ русии. Возвратившись опять времена изіранія старѣйшихъ въ лицѣ князей." Особенно развилась община на сѣверѣ... Новгородъ — община въ древне-русскомъ смыслѣ слова, наемимъ были болѣе или менѣе и во всѣхъ друиѣхъ общинахъ; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзке обозначиться, дали имъ гораздо болѣе ея политическое существованіе... Въ его внутреннемъ устройствѣ мы открываемъ ту же неопредѣленность, тоже отсутствіе твердой, юридической, на началѣ личности созданной общественности, которая характеризуетъ нашу древнюю внутреннюю жизнь. Новгородъ состоялъ изъ множества общинъ; каждая изъ нихъ имѣла, въ главныѣхъ чертахъ, одинаковое устройство съ хѣлой Новгородской общиной. Постояннаго государственнаго устройства нѣтъ: новый князь — новыя условія. У Новгорода и вообще у богатыхъ городовъ начинаются съ теле-

ниемъ времени замкивать князья, а города, вѣча съ своей стороны воздѣйствуютъ на князей и ослабляютъ ихъ власть. Въ стѣверо-восточной Руси зарождается новый порядокъ вещей.

Итакъ усиливается колонизація, являющаяся новой идеей, новымъ понятіемъ. Юрій Долгорукий еще поддерживаетъ связи съ Кіевомъ и не задолго до смерти достигаетъ даже Кіевскаго престола, но для его преемника Андрей великокняжеское достоинство — пустой титулъ, не дававшій никакой власти. Начиная съ Андрея Боголюбскаго, въ политической сферѣ семья одержала верхъ надъ родомъ. Но это первенство не уничтожило родового начала въ его основаніи, а только въ явленіи. Родовое начало сохранилось и продолжалось еще.

Теперь только ограничилось его попріище. Оно стало опредѣлять политическій бытъ разрозненныхъ княжествъ. Въ каждомъ изъ нихъ, въ маломъ видѣ, повторяется то же, что было сначала въ цѣлой Руси. Княжескіе роды размножаются; между нихъ меншимъ по родовому старшинству. Старшій называется великимъ и потому много великихъ князей въ Руси. Раздробляясь далѣе, князья становятся простыми вотчинными владѣльцами, насильственными господами отцовскихъ имѣній. Монголы играютъ важную отрицательную роль въ нашей исторіи. Для правъ князей на престолъ является новое мѣрило... «...ханами были чужды родовые расчеты... Но ихъ хотѣли князья, кто имъ было угодно, кто ревностно исполнялъ ихъ волю, были вѣрными

слугой и исправно платилъ данъ. Это были
 личные качества, не всегда совпадавшія съ ро-
 довыми преимуществами". „Монгольское иго
 усишило власть великаго князя и тѣмъ возсоз-
 дало видный центръ политическаго единства
 Руси. Изъ сѣверо-восточной ея половины, какъ
 прежде въ юго-западной, и по тѣмъ же причи-
 намъ, великокняжеское достоинство предъ Мон-
 голскими игомъ стало пустымъ титуломъ; оно
 не давало уже никакой власти надъ прочими
 князьями. Теперь великій князь — органъ и ору-
 діе Ханской воли". „Иванъ Великій былъ въ
 полномъ смысле князь восточный и смотрѣлъ
 на свои владѣнія, какъ на собственное". Онъ
 заботился только объ умноженіи своей вѣрности;
 этому особенно способствовала возложенная на
 него обязанность собирать данъ для Хана. Бо-
 гатство доставило ему преимущество власти. Вели-
 кокняжеское достоинство старается теперь
 удерживать за собой все Московскіе князья, тѣ
 какъ это достоинство служитъ лучшимъ сред-
 ствомъ для увеличенія вѣрности. Московскіе кня-
 зья дѣлили свою вѣрность поровну между сы-
 новьями, а Москва доставалась старшему. Но
 съ теченіемъ времени, чтобы отвратить сопер-
 ничество между дѣтьми, великіе князья стали
 давать старшему сыну большую часть, а про-
 чимъ — меньшія. „Въ Іоанна III Московскіе го-
 судари принимаютъ титулъ царя, усваива-
 ютъ многія принадлежності власти Византій-
 скихъ императоровъ: гербъ двуглаваго орла, ре-
 галии, въѣзжаніе и помазаніе на царство; вели-
 кокняжескій дворъ и придворныя церемоніи

устраиваются по Византийскому образцу". Эти нововведения свидетельствуют, что, прежняя форма была недостаточна, узка, не выражала нового значения Московского государя. Изъ подъ великокняжеской ветви проистекает государство, отвлеченное православное лицо, имеющее свое физическое существование и самостоятельное разумное значение. Начало подданства начинается смятением начала холопства; является понятие о государственной службе, о гражданстве, о равенстве перед судом. "Что вилье съ тьмъ Московское государство не стръишлось вполне отъ тьмъ историческихъ формъ, въ которыхъ оно появилось; оно только подготовило почву для новой жизни. Эту переходную эпоху нашей истории ограничиваютъ отъ предыдущаго послѣдующаго два величайшихъ дѣятели въ нашей истории - Иоаннъ IV и Петръ Великій. Первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и начинаетъ другую. „Раздѣленные цѣльми въкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремлениямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ, и другой преслѣдуютъ одни цѣли. Какая-то сила тѣхъ связываетъ. Петръ Великій глубоко уважалъ Иоанна IV, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Иоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полудорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Выходило замѣтно даже въ частности. Оба равно живо сознава-

ли идею государства и были благороднейшими, достойнейшими ее представителями; но Иоанн сознавал ее, какъ поэтъ, Петръ Великій какъ вождь, по преимуществу, практическій. У первого преобладаетъ воображеніе, у второго — воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менее реальной, нежели преобладали его мысли, Иоанн изнемогъ, наконецъ, подъ временемъ тупой, полупатріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя оузы, онъ потерялъ въру въ возможность осуществленія своихъ великихъ замысловъ. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханзой, тираномъ и трусомъ. Иоанн IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Георгій не падали. Петръ, одаренный страшной волей и удивительнымъ практическимъ смысломъ, жилъ вѣкомъ позже, когда обстоятельства уже измѣнились и многое было приспособлено; у него были предшественники, даже предшественники; съ увѣренностью гениальнаго чело-вѣка онъ принялся за свое дѣло; онъ имѣлъ рѣдкое счастье видѣть, какъ его начинанія зрѣли и приносили плоды; но и характеръ самого Петра отпалъ въ суровую, жесѣкую форму; и ему нужны были шумныя развлеченія, въ которыхъ онъ могъ бы забываться; и на него наводились

ноты, когда мысли его слабы и тяжкое, скорбное изнеможение, душевная усталость прерывали его неутомимую деятельность". Иоанн для осуществления своих реформ призывал к себе людей худародных, особенно грамотных, дворян; но, за какие реформы ни принимался Иоанн, всё ему не удалось, потому что в обществе не было еще элементов для лучшего порядка вещей. Иоанн искал органов для осуществления своих мыслей и не нашел; их нигде было взять. Растерзанный, измученный безплодной борьбой Иоанн мог только мстить за неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем великого и благородного — и мстил страшно. Уже времена Петра это родовое великодержавство удержались только насильственными важнейшими чинами и боярская душа; но и это, с учреждением сената и введением табели о рангах, исчезает навсегда. С постепенным исчезанием родового и семейственного принципа начинается выходящая в русской жизни новая глава. „Уже Петръ Великій личность на русской почве вступила в свои безусловныя права, отрывишась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительныхъ — національныхъ опредѣленій.“ Эпоха реформы приготовлена великимъ предвидиющимъ волею. Благодаря появлению личного начала, мы тѣсно сблизились съ Европой, которая къ этому времени совершенно другимъ путемъ вошла къ одной изъ насъ. „Мы замѣстивали у Европы не ея исключительныя національныя элементы; тогда они уже исчезли или

исчезали; и у ней, и у насъ ниа роль тогда о
человѣкъ."

Разсматривая наши статьи Кавелина есѣ
общеній громадной суммы фактовъ, философ-
ское построеніе русской исторіи, оправдывающее
на каждомъ шагѣ фактическими матеріалами.

§18. Чичеринъ.

Библиографія:

Энциклопедическій Словарь Брокгау-
за и Ефрона. Полуптисъ 76.
стр. 887 — 901.

Работы съ Кавелинымъ нужно поставитъ друга-
го изслѣдователя — юриста, современника его —
Чичерина.

У Кавелина вотчинное начало не играетъ
такой существенной роли, какъ у Чичерина,
который построилъ весь свой взглядъ на ха-
рактеръ юридическаго быта до Петра на эпоху
начала въ своемъ сочиненіи „Областные учреж-
денія въ московскомъ государствѣ въ XVII в.“ и
въ другихъ статьяхъ. XVII вѣкѣ въ немъ характе-
ризуется повсемѣстнымъ учрежденіемъ воеводъ.
Въ своемъ введеніи къ „Областнымъ учрежде-

нияшъ" Ошеринъ высказываетъ свой взглядъ
 на преобладаніе вѣщиннаго начала въ древней
 Руси. Тоситъ паденію родовыхъ отношеній, каж-
 дое лицо, не сдержанное болѣе связью естествен-
 ной и не подчиненное еще волеи связи государ-
 ственной, выступило съ своею частною волею,
 съ своими частными правами и притязаніями.
 Затѣмъ, дѣлая общій обзоръ суда въ древ-
 ней Руси, онъ приходитъ къ такому выводу:
 Судъ „1. какъ частная собѣденность, дѣлившая
 между князьями, дробившаяся на участки, на годъ;
 точно также кормленщичьи въ одно и то же
 же горюдь получали право суда въ раздѣлъ на
 участки; 2., Судъ передаваемый по частному пра-
 ву: князь не назначалъ сановниковъ для управ-
 ленія дѣлами, а извѣстные права, извѣстные
 доходы ставилъ въ кормленіе, временное или
 наследственное, или отдавалъ на откупъ.
 Поэтому кормленщичьи покидали кормленіе,
 когда хотѣли, какъ свое добро, которымъ не
 желалъ болѣе пользоваться; 3., Судъ отчуждал-
 ся въ частныя руки ставленными грамотами
 частными лицами и монастырями. Это не
 государственная мѣра, а опятьтаки пода-
 рокъ князя, вслѣдствіе расположенія его къ из-
 вѣстному лицу; 4., При этомъ отчужденіи
 самый судъ дробился на части, какъ частный до-
 ходъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣльных
 статей; одна доходная статья ставилась
 одному лицу, другая другому, одинъ получалъ
 иждѣвѣ, другой меньше; 5., Само управле-
 ніе имѣло совершенно видъ владѣнія на частномъ
 правѣ; кормленщичьи управляютъ не на князя,

а на себя; управление суда служило только средством къ обогащенію. Поэтому самыя преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходнымъ дѣйствіемъ, изъ которыхъ судья извлекалъ прибыль, на производство которой онъ имѣлъ исключительную привилегію, составлявшую одну изъ самыхъ выгодныхъ статей кормленія. Какъ частною собственностью, кормленщикъ управлялъ кормленіемъ посредствомъ людей своихъ и холоповъ. Самое сужденіе дѣлъ носило частный характеръ: не было инстанцій, но судья докидывалъ дѣло, кому хотѣлъ, если встрѣчалъ затрудненія; 6., Всюдность этого же властительскаго характера суда, подсудность разбѣгавшихся не видамъ общественнаго блага, а правомъ судьбы на доклады съ суда надъ извѣстными лицами; отсюда судъ свѣтлый или вопрскій; 7., Наконецъ, на тотъ же частный характеръ указываютъ привилегіи, освобождавшія нѣкоторые лица отъ подсудности общаго суда. Общественная должностъ имѣла равною силу для всехъ; но некоторые разряды мѣст могутъ, по особенному своему положенію, подлежать особеннымъ судищамъ, но частная изъявъ противны общественному порядку, и существуютъ только въ такихъ формахъ общества, гдѣ господствуетъ частное право. Можно еще замѣтить, что въ монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, гдѣ управленіе основано было на властительскомъ правѣ, система управленія была также, что и въ княжескихъ земляхъ."

Бюсподсѣво частнаго права, по мнѣнію Гигерина, составляетъ не только принадлежность Руси, но есть одно изъ естественныхъ явленій въ исторіи человѣчества. „Оно ведетъ къ установленію государственнаго порядка и составляетъ залогъ его будущей прочности“. Отдѣла суда въ частное владѣніе наиболѣе вѣдѣли и восточныя штильа кромѣ темныхъ сторонъ, неизбѣжныхъ при тогдашнихъ порядкахъ, и ввѣренная посидсѣва: она суждена князьями безпеченіемъ въ томъ, что судья не откажется истцу въ судѣ, что преступники будутъ наказаны. Въ новгородскихъ областяхъ судъ такъ же отдавался въ кормленіе, на откупъ, въ насильственное владѣніе, такъ какъ они составляли вотчину Великаго Новгорода. Но въ самой новгородской общинѣ судъ не дѣлился, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а штильа значеніе общественной должности. Новгородъ, какъ договорная община, извѣстъ призывавъ къ себѣ верховнаго судью — посредника князя, котораго власѣ всякій разъ утверждались договоромъ. „Но каждый гражданинъ, по какому частному иску могъ созывать народное вѣче и предложить ему свое дѣло на рѣшеніе. Если на вѣчѣ было согласіе, то оно само погасило исполнимо свой приговоръ; если же согласія не было, происходила драка, и дѣло рѣшалось силою.“ Затѣмъ Гигеринъ проводитъ аналогію между западными учрежденіями и русскими. Русской вотчинной системѣ на западѣ соответствуетъ феодальная. Правящее собственностію было ленное право, въ составъ кото-

раго входило и право суда. Созеренъ на осно-
 вани^и частнаго договора передавалъ своимъ
 вассалъ право владения, суда и др. Право
 владения съ земл^ю само собою перенеслось и на
 мнѣ, населяющихъ эту землю, — на крестьян,
 т. е. обратилось въ крепостное право. Такимъ
 образомъ жизнь средневековаго гражданска-
 го общества, какъ на западѣ, такъ и на Руси,
 вылилась въ 2^х формы: первая, какъ си-
 стема вѣчинная и феодальная, — вторая къ
 вольная община. При всемъ тождествѣ основ-
 ныхъ началъ жизни запада и Руси, есть и
 различіе, состоящее въ томъ, что на западѣ
 преобладали меншіе союзы, а на Руси каждая
 отдельная личность обособлялась въ своей
 частной сферѣ. Это обособленіе выказалось
 между прочимъ и въ распределеніи верховной
 власти между русскими князьями. „Основа-
 ная на частномъ правѣ. Верховная власть
 передается также по частному праву, но
 здѣсь является различіе между западными
 государствами и Русью: тамъ земля пе-
 редается обыкновенно въ наследство по пра-
 ву майората, и младшій братъ по-
 лучаетъ участокъ, какъ вассалъ старшаго, —
 здѣсь земля дѣлится между всеми сыновьями.”
 Отношенія владѣльцевъ къ слугамъ и здѣсь
 и тамъ основаны на свободномъ договорѣ.
 Но здѣсь является опять чрезвычайно важе-
 ное различіе, — то, можетъ быть, которое бо-
 лѣ всего опредѣлило различіе историческаго
 развитія западныхъ государствъ и Россіи.
 Феодальной владѣльцъ вступалъ въ прочный,

наследственный союзъ съ своими господами —
 ноль, тогда какъ бояре и слуги заключали
 съ князьями временные, случайные договоры
 и при малѣйшемъ неудовольствіи тотчасъ
 отъѣзжали къ дружинамъ". Благодаря этому,
 на западѣ владѣльческій элементъ сдѣлался
 крепче, чѣмъ у насъ. Свободныя общины
 могли возникнуть скорее въ городахъ, чѣмъ
 въ селеніяхъ, такъ какъ въ городахъ люди живутъ
 на болѣе тѣсномъ пространствѣ, чѣмъ въ селахъ,
 что способствуетъ развитію союзнаго духа.
 Русская свободная община была слабѣе, чѣмъ
 западная, вследствие слабости связующаго эле-
 мента — владѣльческаго. Союзный духъ на за-
 падѣ имѣлъ значительное вліяніе и на обра-
 зованіе сословій. Средневѣковая сословія осно-
 ваны на томъ, что права каждого зависятъ
 отъ его частныхъ занятій, и эти занятія, какъ
 частная собственность, передаются наслед-
 ственно. „На западѣ лица, имѣвшія общія
 занятія, нашедшіеся въ постоянномъ союзѣ,
 образовали корпораціи, сословія, вступленіе
 въ которыя могло совершаться только на
 основаніи законныхъ правъ.„ „тоже самое
 начало, говоритъ Гитеринъ, существовало и на
 Руси; были служилые люди, посадскіе и
 крестіане, но непрерывныя ихъ переходы
 съ мѣста на мѣсто препятствовали образо-
 ванію сословныхъ союзовъ. Вмѣсто того со-
 словное право распредѣлилось по отдѣльнымъ
 личностямъ и выразилось въ личностности:
 каждое отдѣльное лицо имѣло наследствен-
 ное право на известное положеніе въ обществѣ,

и этими оно не только не входило въ союзъ съ дру-
гими, а напротивъ становилось въ противополо-
женіе ко всемъ лицамъ того же разряда и
отстаивало свои права отъ дѣйствіи этихъ дру-
гихъ. Законныхъ правъ для поступленія въ
сословіе не было, но если низшій уравнивался
съ высшимъ, послѣдній считалъ себя обезчещен-
нымъ и начиналъ тяжбу. Понятіе о чести бы-
ло такимъ образомъ не сословное, какъ на За-
падѣ, а чисто личное... Местничество было край-
нимъ и самымъ яркимъ выраженіемъ личности,
которая преобладала въ Россіи." На западѣ
государи боролись противъ самостоятельности
меньшихъ союзовъ; московскіе же государи, на-
противъ, должны были прекратить слишкомъ
большое обособленіе личностей и образовать союзы,
которые служили бы имъ орудіями государствен-
ной власти. Московскіе государи, следовательно,
только укрѣпили элементы древне-русской жиз-
ни, заставивъ ихъ подчиниться общественной вла-
сти. Частное княжеское хозяйство преврати-
лось въ государственное, но съ тѣмъ же финан-
совымъ характеромъ, какъ и прежде. Напри-
мѣръ, при Иванѣ грозномъ, города и волости
продолжали оставаться въ кормленіи, но мно-
гимъ общинамъ даны уставная грамоты съ
правомъ собственного суда. Это было важнымъ
шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго властнаго
превратился въ общественную должность." Но
кроме суда общины получили право участво-
вать посредствомъ своихъ выборныхъ въ по-
лицейское управленіе и въ финансовыя дѣ-
ла, въ сборъ различныхъ пошлинъ. Это уча-

сти общиннаго начала въ дѣлскомъ управленіи было исключительное созданіе московскихъ государей, явленіе неываившихъ еще на Руси. Но эта дѣятельность общинъ, вызванная Иоанномъ IV, не была самоуправленіемъ, а только государственною повинностью. При тогдашнемъ феодальномъ составѣ государства невозможны были правильная дѣятельность и контроль. „Оставалось одно: искать обозначеній въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всю обязанность общесѣвеннаго управления. Это былъ тотъ порядокъ, который можно назвать системой повинностей: государство обладало всѣмъ служебю, объявляло свои требованія, и большую часть исполненій предоставляло самимъ подданнымъ. Отсюда возникли — система кормиченства и выборное начало.“ Также система господствовала и въ римскомъ государствѣ, гдѣ отвѣтственность за исполненіе общесѣвенныхъ дѣлъ возложена была на городскія курии, и служебная обязанность была до того тяжела, что почти обратилась въ наказание.“ Распоряженія со стороны государства шли чрезъ приказныхъ людей: дѣяковъ (въ важнейшихъ городахъ) и городовыхъ приказчиковъ (въ городахъ менѣе значительныхъ). Съ давнѣйшимъ развитіемъ государственнаго начала прежніе элементы областного управленія оказались недостаточны: кормиченія были несогласны съ новыми порядкомъ вещей, общинное управленіе было раздроблено, а дѣяки не только военной службы, усилывающей ихъ

власть. Явилась потребность въ такой власти, которая была бы действительнымъ представителемъ правительства въ областяхъ и такая власть была учреждена въ воеводствахъ. Раньше воеводы назначались въ городахъ только на время войны, а со времени Михаила Федоровича они составляютъ общее учреждение для всей России. Учрежденіе ихъ сопровождаемое усиленіемъ правительственной власти въ областномъ управленіи. Они постепенно вытѣснили прежніе органы управленія, низвели ихъ на степень подчиненныхъ своей власти. Община была отстранена, воеводы сосредоточили постепенно въ своихъ рукахъ военную, административную, судебную и финансовую власть.

Разница между Кавелинскимъ и Титеринскимъ заключается въ томъ, что Титеринъ выдвинулъ болѣе рельефно востановленное начало. Онъ затѣмъ отливаетъ разницу въ управленіи до XVII в. и въ XVII вѣкѣ. Въ первомъ случаѣ управленіе носитъ частный, а во второмъ — государственный характеръ. Титеринъ — доктринеръ; целью у него служитъ не постепенное усовершенствованіе и развитіе, а доктрина. Важное значеніе имѣетъ взглядъ Титерина на русскую общину; извѣстный популяристъ изслѣдователь баронъ Ганстаузенъ, путешествовавшій по России, въ своихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ пришелъ къ двумъ результатамъ: 1., Русская община въ России есть община патриархальная, или родовая, т. е. проистекающая отъ отношеній родственныхъ и сложившаяся по этому типу; 2., такая община составляетъ характеристическую осо-

бекность славянского племени. Второе положеніе
 опровергнуто Грановскимъ въ его статьи о Гер-
 манской общинѣ. Грановскій доказалъ, что та-
 кая же община, съ нераздѣльными владѣніемъ
 земли, была у германцевъ. Общинный бытъ со-
 ставляетъ, по замѣчанію Титерина, общую при-
 надлежность племенъ въ первонаибольшую эпоху
 ихъ развитія. Титеринъ въ своей статьѣ „обзоръ
 историческаго развитія селской общины въ Рос-
 сии“, помѣщенной въ его сборникъ, подъ названі-
 емъ „Опытъ по исторіи русскаго права“ опро-
 вергаетъ первое положеніе Заксгаузена. Сове-
 ршенная русская община вовсе не находится въ
 связи съ древне-русской общиной, какъ полага-
 етъ Заксгаузенъ. Уже варяжская дружи-
 на внесла въ русскую жизнь новыя начала,
 совершенно противоположныя прежнимъ род-
 ственно-общиннымъ отношеніямъ. Вмѣсто
 прежней патріархальной общинной соборвен-
 ности является собственность князя и его дру-
 жины; община родовая превращается во владѣ-
 льческую и князья становятся ослѣвшими въ
 своихъ областяхъ, дѣлаются вотчинниками.
 Владѣльцами теперь становятся князья, ихъ
 слуги — бояре, бывшіе дружинники; затѣмъ мо-
 настыри. Черныя волости княжескія остава-
 лись свободными общинами, населенными на
 черной землѣ, за пользованіе которою крестьян-
 нымъ извѣстная повинность въ пользу земле-
 владѣльца. Частіе общины въ поземельномъ
 владѣніи ограничивалось лишь раздѣломъ пусто-
 парожныхъ участковъ вновь приходящимъ
 крестьянамъ. Вообще значеніе общины было

чисто финансовое, или скорѣе хозяйственное, ибо
 подати и повинности уплачивались князю въ
 качество землевладѣльца. „Въ средневѣковой Рос-
 сии не было ни осадности народонаселенія, ни
 принудительныхъ отношеній, ни передѣла зе-
 мель. Каждый селеніе на отдѣльномъ уча-
 сткѣ, который владѣлъ въѣздомъ и потомъ сѣвен-
 но, который распоряжался по произволу. Не
 хотѣлъ онъ сѣваѣсь на мѣстѣ, — онъ сѣвалъ
 свою землю другому или даже покидалъ ее въ
 пущѣ, и шелъ туда, гдѣ жить было лучше.“ Но-
 вая община обездана своимъ появленіемъ ценз-
 рабному Московскому правительству. Изби-
 рательные общинами на основаніи царскихъ гра-
 мотъ и постановленій старосты и цѣловаль-
 ники ограничили и даже вытѣснили волно-
 щихъ мѣстахъ властвѣ наместниковъ и волосте-
 лей, соединили все управленіе въ своихъ рукахъ,
 благодаря чему онъ получилъ значеніе государ-
 ственное. Въ послѣдствіи общины были совершенно
 подавлены воеводской властью, такъ какъ вы-
 берное начало, данное Иваномъ Грознымъ об-
 щинами, не имѣло жидкости; каждый жилъ
 на своей участкѣ, населеніе жило всею раз-
 рѣженно. Нунуедалась въ административныхъ сред-
 ствахъ, государство заставило служить однихъ
 и выполнять тяжѣлыя, финансовыя обязанности
 другихъ. Въ этой цѣлью оно уничтожило пра-
 во бояръ на отъѣзды и переѣзды, а крестьянъ
 прикрѣпило къ землѣ. „Теперь основой государ-
 ства сдѣлался народъ: жители, гдѣ бы они
 ни сидѣли, получили постоянныя обязанности
 Рус. Исторіографія 2 ч. Дек. проф. Багалевъ. Мѣс. 29.

въ отношеніи къ царю, а земля (бывшая въ средніе
 вѣка основой гражданскаго союза) стала играть вто-
 ростепенную роль. Въ прежнее время на ней лежа-
 ло тягло; поселенец платилъ свои подати и оу-
 правлялъ свои повинности съ земли. Теперь же,
 когда народъ сдѣлался главною силою государ-
 ства, тягло должно было необходимо перейти
 на лицо. Подати чрезъ поземную
 естественнымъ образомъ перешла (при Петрѣ)
 въ подушную. Въ самомъ дѣлѣ, земля въ то вре-
 мя была весьма плохимъ предметомъ для взи-
 манія податей: ея было много и никто ея не
 дорожилъ; сегодня она обрабатывалась, а заву-
 тра покидалась въ пусты. При обширности
 страны и многочисленности населенія одинъ
 трудъ и много убои, и только въ немъ могло
 правительству найти постоянный и вѣрный
 источникъ дохода. Съ конца XVII вѣка съ за-
 конодательствомъ Федора Алексѣевича и, въ
 особенности, Петра Великаго устанавли-
 вается отдѣленіе селъ отъ городовъ. Селъ
 почти все стали крепостными, города же,
 напротивъ, были изъяты изъ владѣтельныхъ
 рукъ; были дозволены переходы посадскихъ
 людей, — если не въ другія службы, то въ дру-
 гіе города; для торговыхъ людей земля не со-
 ставляла необходимаго условія жизни, они несли
 тягло съ своихъ промысловъ и торговли, и не бы-
 ло никакой нужды запрещать отчужденіе зем-
 ли за извѣстнымъ оброкомъ, платимымъ городу.
 „Это разлукъ было необходимыми слѣдствіемъ
 новаго основнаго значенія общины. Пока тягло
 лежало на землѣ, пока поземное владѣніе

составляло существенную основу гражданских отношений, до тех пор не могло быть различия между городомъ и селомъ. Но какъ скоро общины изъ поземельныхъ сдѣлались сословными, такъ началось и различное значеніе городского сословія и селскаго. Занятія перваго состоятъ въ добываніи денегъ посредствомъ Капитала и труда, что требуетъ болѣе или менѣе подвижности и свободы въ дѣйствіяхъ. Занятія втораго занимаются въ обработкѣ земли, а это требуетъ постоянной осѣдлости землепашцевъ. Съ другой стороны обязанности селскихъ жителей относятся прямо къ землевладѣльцу; онъ посредникъ между ними и государствомъ, тогда какъ для городскихъ жителей таково посредника нѣтъ.

Послѣ историческаго обзора русской общины Пигеринъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: наша селская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она вовсе не похожа на общины другихъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ первоначальный свой характеръ среди историческаго движенія, ишла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по которымъ развивался и весь общественный и государственный бытъ Россіи. Настоящее устройство селскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ имѣтельству и изъ разложенія падающей на души. Статья Пигерина объ общинахъ вызва-

на сильную полемику и убогую литературу. Переходимъ къ третьему юристу - историкъ занимающему видное мѣсто въ историко-юридической школѣ и положившему у насъ начало архивному дѣлу.

§ 19. Николай Васильевичъ Калачовъ.

Библиографіа:

Биографическій словарь профессоровъ Московскаго университета. М. 1855.

Застѣковъ. Литературная дѣятельность Калачева (Историческій вѣстникъ, 1887.).

Н. В. Калачевъ родился въ 1819 году во Владимирской губерніи и происходилъ отъ Аламачевыхъ, ведущихъ свой родъ отъ дѣда зинскаго приказъ XVI вѣка. Сначала онъ воспитывался дома и 12^{ти} лѣтъ отъ роду читалъ уже въ подлинникъ и нѣмецкомъ переводѣ Мита Ливія. Въ университетъ, куда онъ поступилъ въ 1836 году, онъ почувствовалъ особенную склонность къ историко-юридическимъ занаятіямъ. По окончаніи университета онъ поступилъ на службу въ археографическую комиссію. Родъ наблюденийъ председателя комиссіи гр. С. С. Уварова (впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія) онъ научился читать древніе документы. Такиимъ образомъ теоретическая работа надъ памятниками законодательства у него шла рука оъ руку съ практичес-

скимъ самостоятельнымъ ознакомленіемъ съ новыми архивными матеріалами. Конечно, это было самое желательное, самое естественное сочетаніе: въ противномъ случаѣ изъ Н. В. Капалева вырабатался бы или односторонній архивистъ безъ широкаго юридическаго образованія, или же ученый теоретикъ-юристъ, не могущій расширить сферы своихъ наблюдений введеніемъ въ нее новыхъ документовъ, хранящихся въ нашихъ столичныхъ архивахъ. Это была важная эпоха въ жизни Н. В. Капалева: теперь изъ него вырабатывался будущій ученый архивистъ. Въ 1846 году онъ защитилъ въ Московскомъ Университетѣ магистерскую диссертацию „предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объясненія Русской правды“, самую капитальную изъ своихъ работъ и тогда снова погрузившись въ археографическую комиссію съ приказандіемъ командированія въ Московскій архивъ; здесь онъ имѣлъ возможность познакомиться со многими новыми матеріалами по Русской исторіи, которые и доставлялъ въ Петербургъ. Въ 1848 году онъ былъ назначенъ въ Московскій университетъ по кафедрѣ исторіи русскаго законодательства на мѣсто вышедшаго тогда изъ Университета К. А. Кавелина. Въ 1852 г. ему было поручено изданіе „Дополненій къ актамъ юридическимъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ ученую командировку для отысканія историческихъ и юридическихъ матеріаловъ. Въ время этой

экспедиции онъ собралъ много интересныхъ материаловъ. Вотъ свѣдѣнія объ этомъ путешествіи, начертанныя мною изъ оффиціального отчета о дѣятельности археографической коммиссіи, изданнаго къ ея 25^{ти} лѣтію: „въ 1853 и 1854 г. членъ Калачевъ совершилъ археографическое путешествіе по губерніямъ: Владимирской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Саратовской, Сибирской, Тамбовской, Тверской и Ярославской, гдѣ онъ осматрѣлъ какъ архивы присутственныхъ мѣстъ, такъ и частныя архивы нѣкоторыхъ помѣщиковъ и любителей отечественной старины. Особенное вниманіе обратилъ на себя архивъ полковника Головина въ Москву: въ этомъ архивѣ множество актовъ XVI и XVII стол. „Нѣкоторые документа о жизни князей Потемкина и Трубецкого и Авраамія Пашкина. Другіе документа того же архива, въ коиѣ доставлены были г. Калачевымъ точные списки, относятся къ XIV-XV ст. По отзыву г. Березникова эти акты роднайшіе изъ родныхъ.“ Такимъ образомъ экспедиція Калачова была продолженіемъ знаменитой экспедиции Строева и Березникова.

По всей вѣроятности тогда уже Н. В. Калачовъ увидѣлъ, какіе важные документа хранятся иногда въ нашихъ провинціальныхъ хранилищахъ и этиныя объясняютъ его постоянныя стремленія къ сохраненію памятниковъ старины въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ.

ленных уголках нашего обширного отечества. Отсюда же выросла у него мысль об устройстве провинциальных архивов и ученых архивных комиссий. Не будешь оставаться на его преподавательской деятельности, как профессора истории русского законодательства. Достаточно сказать, что в преподавании своем он обращал главное внимание на вышнюю историю права, занимаясь преимущественно обзорными источниками, как материалов для русского права в собственном смысле этого слова.

Ученая деятельность Н. В. Каначева началась несколько ранее издания им магистерской диссертации; но сразу выдвинула его только эта последняя. Погодинъ называет ее „превосходнымъ, достопочитнымъ, огромнымъ трудомъ“; важнейшее достоинство ее, по его словамъ, заключается въ самомъ добросовестномъ (не на словахъ только) издании текста русской правды по самымъ известнымъ спискамъ, въ самомъ полномъ подборъ самыхъ вариантовъ; въ следующемъ году онъ издалъ изсѣдованіе „о Коринтской книгѣ“; Николая же Васильевичу принадлежатъ и лучшее изсѣдованіе „о судебникѣ царя Иоанна Васильевича“, надъ которымъ онъ началъ работать еще въ бытность студентомъ и которое было издано въ Юрид. зап. Рядовкина. Кроме этихъ важнейшихъ работъ ему принадлежитъ множество рецензій на новые книги по русской истории и истории русского права, написанныхъ

частью по поручению Академии наукъ, а частью по собственной инициативѣ, а также цѣлый рядъ статей, относящихся къ архивамъ, этнографіи и общему праву (напр. известная статья объ артеляхъ, о государственномъ значеніи архивовъ и др.). Но еще болѣе видное мѣсто занимаетъ издательская дѣятельность Н. В. Калачова. Въ этомъ отношеніи онъ былъ чрезвычайно неутомимъ. Ему принадлежатъ лучшее изданіе русской правды; онъ же издавъ 4 тома „Архива историческихъ и юридическихъ свѣдѣній“ (1859-1860); въ мѣсто съ тѣмъ же рядъ его редакціей вышелъ цѣлый рядъ изданій археографической коммисіи, - Акты, относящиеся до юридического быта древней Россіи т. 1, Дополненія къ актамъ историческимъ (VII т.). Въ последнее время онъ издавалъ одновременно: „Вѣстникъ“ основаннаго имъ въ Петербургѣ археологическаго институту и „Вѣстникъ археологическій“, а въ мѣсто съ тѣмъ же рядъ его редакціей вышелъ цѣлый рядъ изданій: описаніе Московскаго архива Мин. юстиціи (вышло 4 тома), Внутренній бытъ русскаго государства въ царствованіе Іоанна Антоновича, продолженіе писцовыхъ книгъ, памятная юбилейная книжка. Будучи избранъ академикомъ, Н. В. Калачовъ немедленно все рѣшительная расширитъ издательскую дѣятельность нашей Академіи наукъ: такъ, имъ предложены были къ печати протоколы боярской Московской думы и матеріалы для исторіи заселенія окраины России; такъ же послѣднихъ, относящаяся къ старорусской

станичной службы Московского государства
 на его окраинах, какъ мнѣ лично известно,
 по его порученію, была уже извлечена изъ
 дѣлъ Московскаго стола разряднаго архива.
 Но едва-ли не самое важное значеніе имѣетъ
 дѣятельность Н. В. Ушакова, какъ органи-
 затора архивнаго дѣла у насъ въ Россіи.
 Изъ послѣднее время все-то, что было связа-
 но съ судьбою архивовъ, дѣлалось или по иници-
 ативѣ, или при содѣйствіи, или, наконецъ,
 съ соглашеніемъ Н. В. У. Это званіе „архивиста“
 онъ носилъ не даромъ: нѣтъ другого чело-
 века въ Россіи, который былъ бы такъ пре-
 данъ этому дѣлу, обладавъ такою теоре-
 тическою и практическою подготовкой, ду-
 хомъ широкой инициативы, необыкновен-
 ной личной энергіей и выдержкой въ рабо-
 тѣ, сумѣвшій сгруппировать вокругъ себя,
 или вторично, образовать рядъ своихъ руково-
 димыхъ особыхъ исполнителей и, наконецъ,
 общественными положеніемъ и связями;
 все-то это онъ очень умѣло пользовался
 для расширенія своихъ архивныхъ предпрі-
 ятій. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ ди-
 ректоромъ самаго обширнаго изъ нашихъ пра-
 вительственныхъ архивовъ — архива Мини-
 стерства Юстиціи, имѣющаго болѣе шестидесяти
 кургановъ, заключающаго значительное со-
 держаніе отъ казны. Нужно знать, какой
 громадный количество разнообразныхъ доку-
 ментовъ содержитъ въ себѣ этотъ архивъ,
 чтобы понять, какъ трудно разбираться въ
 его исторіографіи.

нимъ, приводить ихъ въ порядокъ. Достаточно
сказать, что, кроме документовъ прежнихъ
Московскихъ учрежденій, туда постоянно
присылались и присылаются архивы судеб-
ныхъ упродненныхъ присутственныхъ мѣстъ
почти со всѣхъ губерній европейской и азиат-
ской Россіи. Помыщеніе архива оказалось
тѣснымъ, и потому Ник. Вас. ижедатомъ
стествовалъ у правительства сооруженія но-
вораго громаднаго хранилища на Губвибелъ
поль. Это новое помыщеніе удовлетворяетъ
всѣмъ современнымъ требованіямъ и построено
по образцу заграничныхъ зданій такого же ро-
да. Для изученія архивнаго дѣла на западѣ
Николай Васильевичъ предпринималъ спеціаль-
ное заграничное путешествіе и посѣтилъ архи-
вы Германіи, Австріи, Франціи и Италіи. Но
заботы Н. В. Капалова объ архивѣ минисѣр-
ства не ограничивались этимъ: онъ
старался постоянно объ изданіи ученыхъ
обозрѣній тѣхъ матеріаловъ, которые хра-
нятся въ архивѣ; и дѣйствительно, въ насто-
ящее время мы имѣемъ уже 4 тома опи-
саній, или, вѣрнѣе сказать, обозрѣній ар-
хивныхъ матеріаловъ, которые оказываютъ
большую пользу желающимъ поработать
въ архивѣ, особенно въ началѣ ихъ занятій. Самъ
Николай Вас., не считая на свои многочис-
ленные занятія, принималъ даже непосред-
ственное участіе въ этихъ работахъ; объ
этомъ свидѣтельствуетъ, напр., его статья
объ одномъ изъ разрядовъ документовъ, хра-
нящихся въ архивѣ, именно, о десятинахъ.

Но Макаровъ ясно сознавалъ, что для упр-
 явленія архивнаго дѣла необходимо обра-
 зовать у насъ, въ Россіи, ученыхъ архивистовъ,
 между тѣмъ у насъ не было ни одного тако-
 го заведенія, какъ напр. парижское *École
des chartes*; это обстоятельство побудило
 его начать хлопоты, которыя и увѣнчались
 успѣхомъ: въ Петербургѣ были устроены шихъ
 Археологическій институтъ для подготовле-
 нія молодыхъ людей, получившихъ уже на-
 нѣе высшее образованіе, къ архивной дѣ-
 ательности. Институтъ этотъ получаетъ
 только незначительную казенную субсидію,
 а содержится главнымъ образомъ на пожерт-
 вованія и членскіе взносы разныхъ лицъ,
 сочувствующихъ архивному дѣлу. Н. В. Ма-
 каровъ обладалъ удивительною способностью
 извлекать добровольныя жертвованія на ар-
 хивныя предпріятія изъ такихъ рукъ, изъ ко-
 ныхъ не удалось бы извлечь никому другому;
 не скупился также при этомъ упрекать изъ-
 виду и его вліятельное положеніе въ обществѣ
 - въ качествѣ сенатора и академика; не былъ
 жертвователемъ руководствовался исключительно
 но ясно сознанными интересами науки; на-
 ныхъ дѣйствовалъ его титулъ.

Такова была одна сторона въ предсмертной
 дѣятельности Н. В. Другая заключалась
 въ устройствѣ провинціальныхъ архивовъ и
 архивныхъ комиссій. Мы видимъ уже, что
 архивная дѣятельность Н. В. Макарова въ
 археографической экспедиціи поразительно на-
 шивъ извѣстна. Но и въ послѣдствіи онъ

стившимся съ интересомъ къ архивному дѣлу въ провинціяхъ. Еще будучи членомъ болызны, онъ заботился объ описаніи и приведеніи въ порядокъ Оренбургскаго архива. Зная по опыту, сколько драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей старины уже погибло въ разныхъ углахъ Россіи, онъ задумалъ устроить въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ архивы и архивныя коммиссіи, которыя бы состояли изъ местныхъ любителей старины, сохраняли и приводили въ извѣстность и описывали всевозможныя памятники древности, а въ особенности архивныя матеріалы. Такиѣ коммиссіи, по Высочайшему повелѣнію отъ 13 Апрѣля 1884 года, были основаны въ Твери, Тамбовѣ, Рязани и Орлѣ; въ послѣднее время отъ нихъ открывающіяся такиѣ архивы и коммиссіи и въ другихъ мѣстахъ.

Не смогу не обратитъ своего повышеннаго вниманія Н. В. и на нашъ Харьковъ. Въ 1872 года Н. С. Сергиенко былъ переведенъ архивъ нагорьскій коммиссіи и поступилъ въ распоряженіе историко-этнографическаго общества, состоящаго при университетѣ. Николай В. живо заинтересовался вновь наредившимся въ Харьковѣ архивомъ и лѣтомъ прислалъ одного изъ сотрудниковъ своего института г. Рогозина для его разборки. Потребная для этого средства были даны изъ суммы пожертвованной въ его распоряженіе въ разномѣръ 2000 р. г. Харитоненко. Не ограничиваясь этимъ, онъ имѣлъ намѣреніе устроить здѣсь архивную коммиссію, о чемъ бесѣдовалъ съ однимъ

изъ членовъ историко-филологическаго общества въ бытность свою въ Харьковѣ; онъ даже выражалъ при этомъ надежду, что университетъ не останется безучастнымъ къ народившейся въ его стѣнахъ новой учрежденію и, съ своей стороны, приметъ мѣры для дальнѣйшаго его развитія. Онъ нескрѣнно любилъ науку и былъ такимъ же пламеннымъ адептомъ ея въ старости, какъ и въ 40^{ыхъ} годахъ, въ началѣ своей дѣятельности. Въ августѣ 1885 г. доктора съ болѣющимъ усиліемъ убѣдили его поѣхать за границу, чтобы отдохнуть тамъ отъ постоянного и истиннаго напряженія. И что же? — онъ рѣшился отпѣрда въ Москву, въ свой архивъ. Не справившись отъ своего недуга, онъ отправился въ Саратовъ открывать тамъ архивную комиссію.

Закончу свой обзоръ выдержкой изъ статьи покойнаго Николая Васильевича, которая можетъ быть названа его завѣщательнымъ: „и вотъ крылатая мечта, говорилъ онъ въ 1877 г., переноситъ меня за несколько десятилетій впередъ, когда уже въ разныхъ, наиболее модныхъ городахъ нашихъ цѣлѣн не только устраиваются центральные историческіе архивы, но и будутъ заведывающими сотрудниками науки, специально приготовленные къ своему дѣлу; когда, благодаря ихъ неутомимымъ трудамъ, ихъ горячимъ розысканіямъ и примѣру, и въ нынѣшнихъ глухихъ и, повидимому, непробудныхъ степяхъ появятся не только отдѣльные люди

теми нашей прежней псевденности и гонимых, но и возникнуть изъясня провинциальныя общества — археологическія и историческія; когда составлены будутъ рукописи, собранныя въ этихъ хранилищахъ, яси и указать; и когда, наконецъ, мажоритарная молодежь со свойственнымъ ей увлеченіемъ и жаромъ, будетъ неутомимо отыскивать здѣсь драгоценныя, еще неизвѣстныя намъ, данныя для занесенія ихъ въ свои изслѣдованія:

Да выдадутъ потюлки православыхъ
Земли родной митицкую сироту. "

Умеръ Н. В. Камачевъ въ 1885 г. въ Саратовской губ. въ своемъ имѣніи, отправившись открывать архивную комиссію въ г. Саратовъ, т. е. за тѣмъ дѣломъ, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь. Это былъ неутомимый труженикъ, насаждатель и покровитель архивнаго дѣла у насъ, въ Россіи. Это сдѣлалъ покойный графъ Н. С. Шваровъ для русской археологіи, то сдѣлалъ Николай Васильевичъ для архивнаго дѣла — для приведенія въ извѣстность и порядка архивныхъ матеріаловъ, для ихъ изданія и объясненія. Этимъ, преимущественно, и опредѣляется его мѣсто въ исторіи русскаго права и русской исторіографіи. Документальное направление, археографическая школа въ русской исторіи наша въ немъ одного изъ вѣдущихъ своихъ представителей. Современники Павлова, Соловьева и Шерина — они пишутъ съ нимъ много общаго въ основныхъ взглядахъ

на важнейшіе вопросы русской истории и права. Будучи юристомъ по образованию, Н. В. Загоскинъ не заключилъ въ сферу спеціальныхъ юридическихъ вопросовъ и потому сочиненіе его имѣетъ такое же значеніе для историка, какъ и для юриста.

§ 20. Изъ друзей и изслѣдователей юристовъ заслуживаютъ вниманія - Загоскинъ, Сергѣевъ, Владиміръскій-Будановъ и Хлѣбниковъ.

Библиографія:

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владиміра. Кіевъ 1884 г.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона изд. 23. стран. 154
статья „Загоскинъ“.

Профессоръ Казанскаго Университета по истории русскаго права, Н. П. Загоскинъ извѣстенъ своей монографіей: „исторія организаціи служилого сословія“. Здѣсь онъ затрогиваетъ важныя стороны внутренней русской исторіи. Еще болѣе значенія имѣетъ

трудъ г. Залоскина: „Исторія права Московскаго государства“. 1ый томъ посвященъ характеристикѣ боярскаго дѣла Московскаго государства. Боярская дѣла изучена г. Залоскинымъ съ юридической стороны. Она взята отчасти отъ того общества, среди котораго она выросла. Въ этомъ замѣчается сильное различіе его труда отъ труда Кючевскаго, посвященнаго тому же вопросу? Первый выпускъ 2го тома посвященъ исторіи земскихъ соборовъ. Продолженіе, означеннаго авторомъ, до сихъ поръ нѣтъ. Следующіе выпуски должны были бы быть посвящены изученію исторіи Московскихъ приказовъ. Какъ на попытку изученія вопроса о Московскихъ приказахъ, можно указать на статью молодого Казанскаго члена г. Михалева подъ заглавіемъ „Разрядные дѣла XVI вѣка“. Вопросы о происхожденіи нашихъ областныхъ учреждений кромѣ Пигерина занимающъ еще г. Градовскій. Его сочиненіе „Узрѣе Московскаго государства“ на самомъ дѣлѣ есть исторія нашихъ областныхъ учреждений XVI и XVII ст. и это сочиненіе можетъ быть поставлено рядомъ съ аналогичнымъ сочиненіемъ Пигерина. Профессоръ Одесскаго университета г. Леонтовичъ извѣстенъ своей исторіей задружно общиннаго быта древней Руси и ставящимъ по исторіи Литовско-Русскаго права.

Профессоръ Петербургскаго университе-

та Сергеевичъ извѣстенъ своими трудомъ
 „Въче и князь“, который представляетъ по-
 пытку опредѣлить важнѣйшія особенності
 древне-русскихъ юридическихъ отношеній до
 времени Московскаго самодержавія. Эта кни-
 га цѣлкомъ вошла въ его курсъ: „Лекціи
 по исторіи русскаго права“. Кроме того
 самостоятельно здѣсь разработаны вопросъ
 въ Екатерининской комиссіи. Продолжа-
 тельствъ его является 2. Латвийскій, особенно въ
 своей докторской диссертации (исторія
 законодательной комиссіи). Ему же при-
 надлежитъ издающееся изслѣдованіе о
 земскихъ соборахъ въ древней руси.

Профессоръ Кіевскаго университета Влади-
 мирскій-Будановъ извѣстенъ двумя тру-
 дами: - 1., хрестоматіей по исторіи рус-
 ского права; въ трехъ выпускахъ этого
 труда собраны все важнѣйшіе памятни-
 ки древне-русского законодательства до
 Уложенія Алексея Михайловича; 2., дру-
 гой капитальный трудъ его „исторія
 русскаго права“ - университетскія лек-
 ціи. Онъ менѣе обработанъ съ литератур-
 ной стороны сравнительно съ подобными
 же курсомъ Сергеевича, но зато у него болѣе до-
 казательствъ и цитатъ изъ памятниковъ,
 чѣмъ у Сергеевича. Отъ Владимірскаго-Будано-
 ва можно ожидать пополненія пробѣла въ его
 исторіи русскаго права - исторіи Литовско-
 русскаго права (съ 13 по 17 вѣкъ). По этому
 вопросу имеется множество памятниковъ
 Русифікація 2 г. Лек. проф. Багалъя.

законодательного характера (Литовскіе стату-
ты 1529, 1566 и 1588 г.г.)

Особнякомъ стоитъ среди изыскателей
историковъ профессоръ Варшавскаго, а по-
томъ Киевскаго университета Хлобниковъ.
Ему принадлежатъ сочиненія: „Общество и
государство въ до-Монгольскій періодъ“ и „о
вліяніи общества на государство въ цар-
скій періодъ нашей исторіи“. Эти два изыс-
кованія являются общими сочиненіями по
исторіи русскаго государственнаго права въ
до-Петровскій періодъ нашей исторіи.
Здѣсь мы найдемъ характеристику и исто-
рію верховной власти, центральныя учреж-
денія и сословія; Эти элементы русскаго
исторіи являются у него необходимыми
элементами, на которыхъ разбравшись га-
стимъ историческіе эпизоды.
Хлобниковымъ можно закончить обзоръ
историко-юридической школы, основанной
Зверевымъ. Заслуги этой школы для русскаго
исторіи весьма велики. Благодаря изыс-
кованіямъ ея представителей, мы получимъ
понятіе о нашей государственной
механикѣ, нашихъ учрежденіяхъ - въ ихъ
статикѣ и динамикѣ. Но у нихъ вездѣ
фигурируетъ государство. Общество, на-
родъ у нихъ играетъ роль матеріала для
этого государственнаго механизма, для его
экспериментовъ. Народъ, какъ самостоя-
тельная единица, имѣющая собственные
интересы, въ историко-юридической школѣ
отсутствуетъ; нѣтъ у нея также ино-

родческого элемента; не рассмотрена его роль в создании государства и народности. Все это взяла на себя, славянофильская школа. Для нашей цѣли будетъ достаточно, если мы рассмотримъ важнейшія мнѣнія славянофиловъ, писавшихъ по русской исторіи.

§21. Славяно-фильская школа.

Н. С. Аксаковъ, Ив. Дм. Блжновъ, Лешковъ и Коляловъ.

Библиографія:

Щенгеровъ. Критико-біографическій словарь. Самая обстоятельная біографія Н. Аксакова.

Пальмовъ. Памяти Колялова.

Въ литературной дѣятельности этихъ людей мы и обращаемся. Общая характеристика трудовъ этихъ ученыхъ уяснить намъ произхождение ихъ выводовъ. У славянофиловъ три основные тезиса: народность, самодержавіе и православіе; на нихъ, по ихъ мнѣнію, покоится здание русской исторіи. Эти элементы у нихъ являются органическими, а не случайными; все проявленія одинаково составляютъ сущность русской исторической жизни, нельзя ни одного изъ нихъ выдернуть. Звлеченіе народностью въ 20-хъ и 30-хъ годахъ было противодействіемъ западническому направленію, выразившемуся съ особенной силой въ Московскомъ кружкѣ, основанномъ Станкевичемъ и известномъ подъ именемъ кружка Станкевича; это западни-